

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 6-го Ноября 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10449.

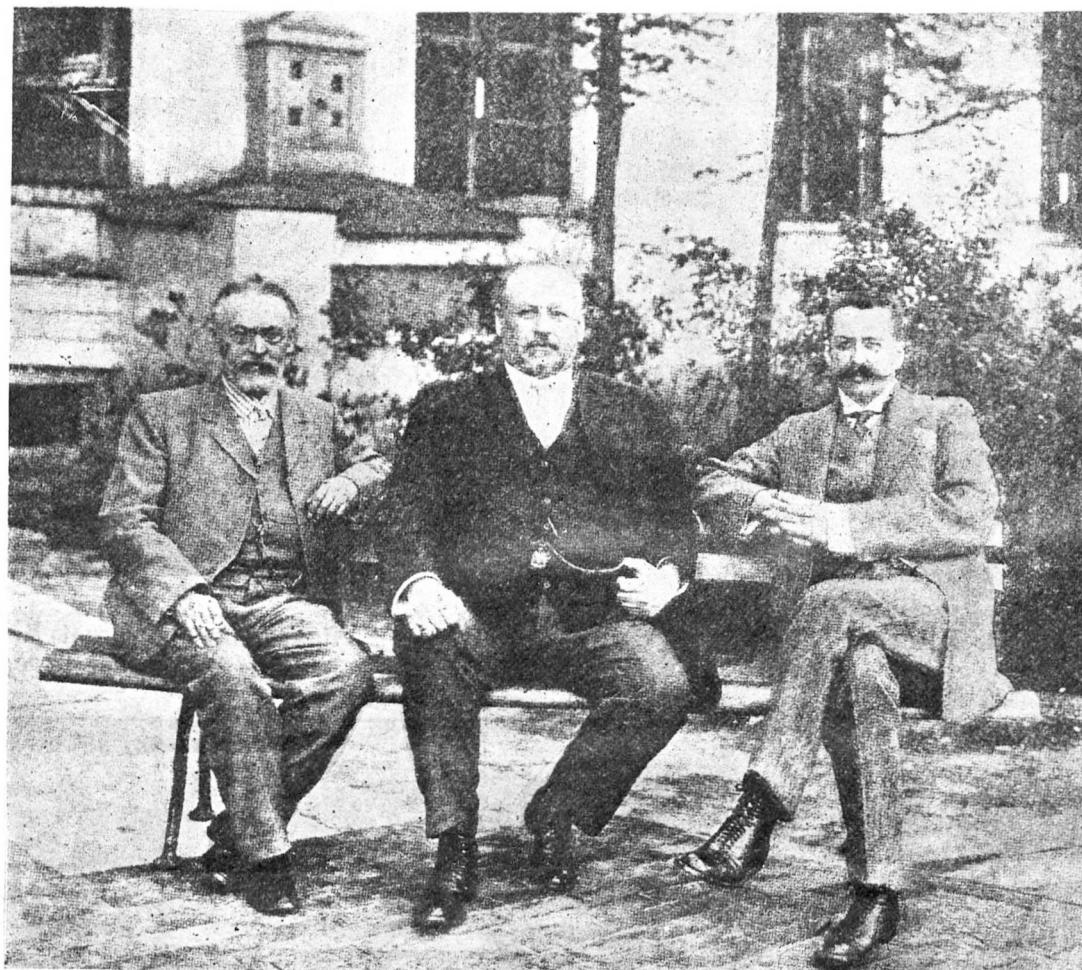
ГРЕЗА.

Милая Леночка, если бы ты знала, какъ мнѣ стыдно опять обращаться къ тебѣ съ просьбой. Еще больше стыдно потому, что я только въ этихъ случаихъ даю о себѣ знать. Но, Леночка, мнѣ такъ необходимы теперь эти проклятые гроши... Прошу тебя, родная, не откажи и одолжи до первого числа пять рублей. Я живу на Старомъ спускѣ, послѣдній домъ, четвертый этажъ. Рыся."

Леночка прочла эту записку, написанную мужскимъ, размашистымъ почеркомъ, взглянула на маленькие часики и рѣшила: она сама ответить деньги Рысѣ. Пусть знаетъ, что она, какъ и раньше, осталась отзывчивой и доброй и, если даже далека отъ прежнихъ подругъ, то только изъ-за мужа. Онъ сдѣлалъ для нея такъ много, и она, Леночка, не можетъ спорить съ нимъ и водить къ себѣ этихъ "демократокъ", какъ онъ называетъ ея знакомыхъ курсистокъ.

Первое время послѣ замужества Леночка очень скучала въ блестящихъ

Предсѣдатель Государственной Думы и его товарищи.

М. Я. Капустинъ.

М. В. Родзянко.

Кн. В. М. Волконскій.

большихъ комнатахъ своего мужа, ей такъ часто хотѣлось вернуться въ свою коморку, гдѣ она жила съ Рысей, но воспоминаніе о жестокой нуждѣ, о погонѣ за грошевыми уроками — удерживало ее. Потомъ рѣже становились воспоминанія; казалось, что она никогда и не жила въ другой обстановкѣ. И если бы теперь не коротенькия записочки Рыси, она бы, пожалуй, совсѣмъ забыла о прошломъ.

Леночка въ послѣдній разъ взглянула на себя въ зеркало, подумала о томтѣ, что Рыся найдетъ ее интересной, и вышла на улицу.

Чуть морозный воздухъ поздней осени ласкалъ ея лицо, на улицѣ встрѣчались знакомые, всѣ такъ ласково глядѣли на нее, на ея изящный туалетъ, и на душѣ было такъ легко и весело отъ сознанія, что она идетъ помочь.

Леночка подходила къ спуску; улица была немощеная, и она взяла извозчика. Быстро подѣхала къ послѣднему лому, согнувшись прошла черезъ калитку въ грязный дворъ и поднялась по деревянной лѣстницѣ на четвертый этажъ.

Рыся имѣла сожительницу, тоже курсистку, очень бѣдную, совершенно безъ какой-либо поддержки. Жили они случайными уроками, перепиской.

Рыся имѣла всегда большій успѣхъ, чѣмъ подруга.

— Рожей ты не вышла, говорила было ей Рыся, и та не обижалась. Знала, что своей щедрой фигуркой, измученнымъ лицомъ, да вдбавокъ еще съ недостающими передними зубами — она врядъ ли кому могла импонировать. Но на дняхъ и Рыся пришла очень печальная.

— Можете насъ поздравить, Соня, заболѣли черти...

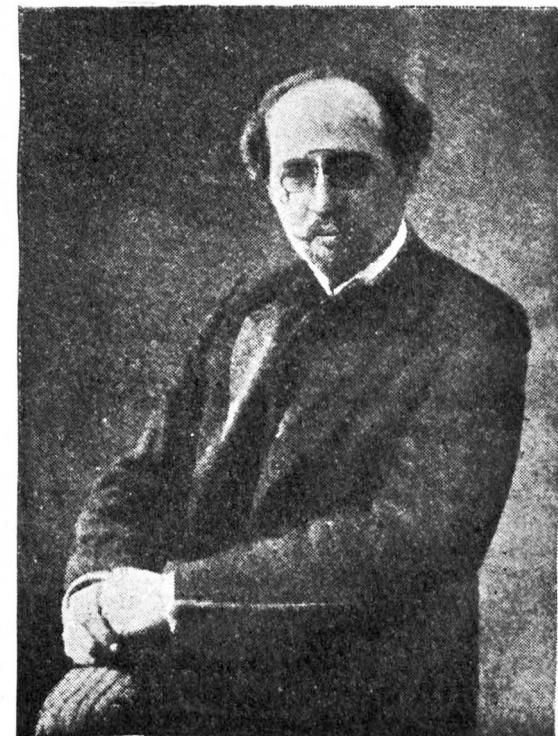
— Кто?

— Да кто же... Дѣти — скарлатиной. Послѣ выздоровленія, говорить, будете продолжать; тамъ вамъ нужно кое-что заплатить, ну ужъ тогда сочтемся...

— Что жъ, варите кофе...

Передъ приходомъ Леночки Соня лежала на тощей кроваткѣ и смотрѣла въ потолокъ, гдѣ черезъ вставленное стекло ей было видно небо. Рыся же сидѣла у маленькаго столика и

исполняла "унизительную", какъ она называла, обязанность: варила на спиртовкѣ кофе, взятый еще изъ дома.

Драматургъ В. А. Рышковъ.

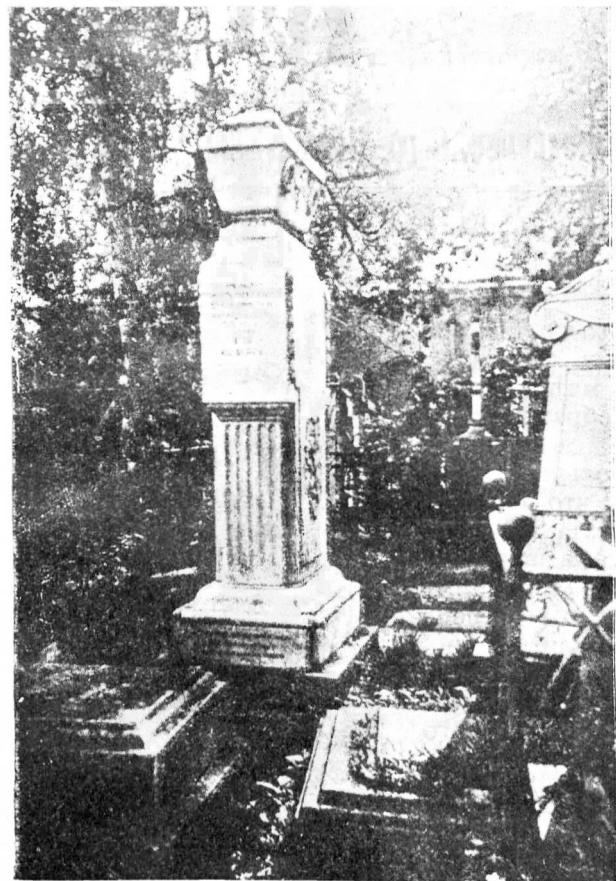
(По поводу постановки пьесы его "Прохоже").

Заслуженный профессоръ Л. Е. Владимировъ.
(По поводу лекцій его въ Харьковѣ 6 и 8 ноября).

Могила Л. Н. Толстого.

Памятникъ на могилѣ М. В. Ломоносова
въ Александро-Невской лаврѣ.М. А. Шмидтъ.
Послѣдовательница Л. Н. Толстого.

— Смотри опять не переверни, бурчала ей Соня.

— А ты вотъ лучше сама попробуй, барыня, разлеглась и плюешьъ въ потолокъ.

— Что же дѣлать, если это здѣсь единственное мѣсто... Всего-то двѣ стѣнки, у одной вы съ кофе, а у другой мы съ кроватю..

Комната была, дѣйствительно, трехугольная. Въ третьей стѣнѣ была дверь, свѣтъ же шель сверху, изъ окна, выходящаго на крышу.

— Пожалуйста, сдѣтай одолженіе, найми съ четырьмя стѣнками!

— Вотъ подождемъ, пока твоя прин-

цесса пришлеть деньги, иронизировала Соня.

— Конечно, пришлеть; она добрая.

— Добрая потому, что это ей самой доставляеть удовольствіе.

— Ну, твоя философія совсѣмъ здѣсь не у мѣста. Пусть даже такъ, я буду молить Бога, чтобы всѣ люди имѣли въ этомъ удовольствіе и были добры...

Дѣвушки продолжали пикниковку, какъ всегда очень жесточенно, что не мѣшало имъ быть большими друзьями.

Раздался стукъ въ дверь, и онъ притихли.

— Хозяйка, вѣрно, прошептала Рыся.

— Ну и въ шею ее, скажи, что завтра получишь и заплатишь.

Рыся отодвинула задвижку и очутилась въ объятіяхъ Леночки.

— Боже, какъ высоко къ тебѣ, Рысикъ! Я отвыкла, и кажется, что сердце выскочитъ, болтала Леночка.

— Это моя сожительница, познакомила Рыся подругу.

Соня, не вставая съ кровати, протянула руку и съ насмѣшкой смотрѣла на Рысию. Леночка же, занимая всю комнату пышнымъ мѣхомъ и муфтой, щебетала.

Путешественница А. А. Корсина въ кабинетѣ Л. Н. Толстого.
(По поводу лекцій ея въ Харьковѣ).

Президіумъ Общества любителей Россійской словесности.

И. П. Казанский.

Предсѣд. А. Е. Грузинский.

П. Н. Сакулинъ.

А. И. Калишевскій.

Молодой китаецъ читаетъ новости о возстаніи (сцены въ китайскомъ клубѣ революционеровъ).

Генер. Ли-Чуань-Хунъ,
предводитель революционныхъ войскъ
въ Китаѣ.

Капитанъ Піацца дѣлаетъ первую рекогносцировку на аэропланѣ въ Триполи.

— Почему же ты въ такой странной трехугольной комнатѣ живешь? Здѣсь просто повернуться негдѣ, а, Рысикъ?

— Да, Леночка, но она стоитъ вдвое дешевле, чѣмъ мы съ тобой платили... Теперь времена пошли хуже, чѣмъ тогда; масса такая понадѣхала и другъ у друга.

Итальянцы разстрѣливаютъ араба, служившаго въ Германскомъ консульствѣ.

га уроки и работу отнимаютъ, да притомъ Соня не можетъ платить столько, какъ ты тогда.

— Да, расчетъ, кажется, правильный, пробурчала Соня.

— Отчего у васъ переднихъ зубовъ нетъ? спросила съ участіемъ Леночка.

— Пострадала во время революции...
Леночка смущалась и беспомощно смотрела вокруг.

— Кофе выпьешь, Леночка? предложила Рыся.

— Нетъ, что ты, я на минутку, только принесла тебе деньги. Но, вотъ, а это пусть вамъ обѣимъ будетъ, и она вынула изящный фланкъ одеколона.

Рыся бросилась обнимать и душить ее.

— Какая ты милая, добрая, Леночка; видишь, Сонька, а ты говорила, что...

Леночка сияла. Конечно, она добрая; никто и не подумаетъ, что она, можетъ быть, продала свое чувство, вышла замужъ за богатаго, чтобы имѣть возможность помочь. Но Соня разочаровала ее.

— Духи-то, собственно, намъ не такъ нужны, какъ галоши, но ничего, ужъ подушимся, что жъ.

Рыся возмутилась:

— Молчи, Сонька. Ты просто становишься старой девой. Злючка. Скажи, Леночка, ты не сердишься за мою записку?

— Ну, что ты, Рысикъ, развѣ я забыла о томъ, что было когда то... Ахъ, что это, какая прелесть...

Леночка тянулась къ прибитой надъ кроватью полочкѣ, гдѣ между пузырькомъ съ чернилами, зубной щеткой и другими мелочами стояла нарисованная на фарфорѣ „Греза“ Каульбаха.

— Ахъ, какая прелесть, повторяла она, снимая ее съ полочки,—какая работа, какъ дивно исполнена, какие глаза, Господи, какіе глаза! Нетъ, я положительно не могу ее оставить, я ее беру себѣ... Да она и не умѣстится совсѣмъ, прямо портится отъ этой обстановки...

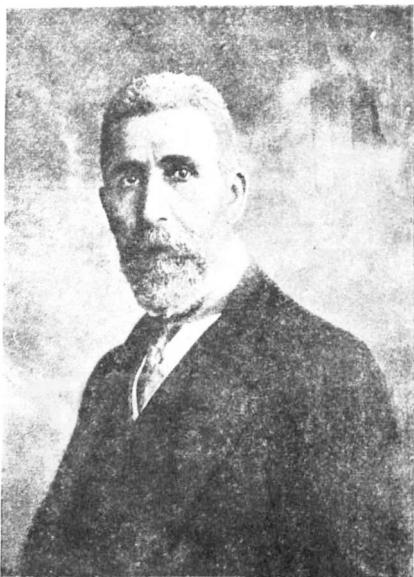
Но Рыся счастливыми глазами посмотрѣла на головку и улыбнулась.

— Нетъ, Леночка, это моя „Греза“,

— Что стоитъ поцѣлуи?
— 20 марокъ
— Не можете ли дать мнѣ образецъ на пробу?
(„Fleg. Blät.“).

не могу, никакъ не могу тебѣ ее отдать; это подарокъ одного знакомаго, его собственная работа, и я ее такъ люблю, что иногда, кажется, только и живу тѣмъ, что ее вижу... Она меня вдохновляетъ къ жизни. Ты не смѣйся, Леночка, вспомни только, что бываетъ иногда...

Хильми паша,

бывшій великий визирь, кандидатъ на этотъ постъ и теперь.

Новинка моды.

Послѣдняя прическа.

— Подарокъ отъ „него“? Леночка перевернула гравюру оборотной стороной и съ дѣланнѣмъ паѣсомъ прочла: „Честь безумцу, который навѣтъ человѣчеству сонъ золотой.“

— Ахъ, Боже, какая наивность! Вотъ, Рысикъ, въ наказаніе за то, чтобы вы, милостивая государыня, не занимались романами, а дѣлами, я безъ всякихъ разговоровъ отнимаю ее у тебя. Если ты захочешь вдохновляться, приходи ко мнѣ каждую субботу, когда Сержъ въ судѣ, и можешь любоваться ею. И знаешь, чтобы ты знала, какъ я тебѣ желаю добра, я постараюсь среди своихъ знакомыхъ найти тебѣ урокъ. Но какая она восхитительная, какой восторгъ...

И „Греза“ исчезла въ большой пышной муфтѣ Леночки.

Наступило молчаніе на мгновеніе. Соня барабанила пальцами по столу, а Рыся бормотала неясно и смущенно.

— Но, Леночка, я ее такъ люблю; ты, знаешь, у меня, вѣдь, нѣтъ ничего другого. А сама думала: а вдругъ обидится, а долги, а хозяйка...

— Я пришлю тебѣ, Рысикъ, что хочешь, но головку не отдамъ. И скажи лучше правду: вѣдь, дѣло не въ „Грезѣ“, а въ томъ, что это отъ „него“?...

— Ничего не хочу, ничего мнѣ не надо... Только... ну, все равно...

Леночка спѣшила. Восемь часовъ. Надоѣхать.

Поцѣлуи. Шорохъ шуршащаго платья, короткое „прощай“ Сони, полное страданія „спасибо, Леночка“ — Рыси, и Леночка исчезла.

Въ трехугольной комнатѣ наступило молчаніе. Рядомъ на чердакѣ дико распѣвала прачка, вѣшавшая бѣлье. Миръ казался такимъ маленькимъ, жалкимъ, весь въ этомъ углѣ. Лампа тускло горѣла, поѣдая остатки керосина.

— Надо заплатить хозяйкѣ, первая прервала тишину Рыся.

— Успѣешь завтра, туши лучше лампу, а то весь керосинъ изъ-за этой куклы выгорѣлъ.

— Ничего. Завтра купимъ три фунта, да припасемъ сахара и сухариковъ...

— Радуйся, буркнула Соня.

— Конечно, намъ другія радости не даны, права не имѣемъ...

— Всѣ вы такъ разсуждаете, а потомъ „Леночками“ становитесь, огрызнулась Соня.

И Рыся замолчала. Почемъ знать, можетъ быть и такт.

Черезъ часъ обѣ лежали въ темнотѣ. Рыся беспокойно ворочалась.

— Не спиши? спросила Соня.

— Не хочется...

— Кажется, плачешь? Чего ты ей „Грезу“ отдала?

— Отдала. Она мнѣ тоже многое даетъ. И вообще... Ахъ, Сонька, какъ мнѣ „Грезочку“ жалко...

Въ темной комнатѣ рыдала Рыся, а Соня, вся сжатая отъ страданія, не могла утѣшить ее.

— Дурища ты, дурища, пробурчала она и, подавивъ слезы, не произнесла больше ни слова.

„Греза“ стояла на нарядномъ туалетномъ столикѣ, нѣжный свѣтъ голубой электрической лампочки бросалъ на нее мягкія тѣни, и Леночка любуясь ею думала:

— Тебѣ сдѣлано два предложения; на которомъ же изъ нихъ ты намѣренна остановиться?

— Сперва я выйду за авіатора.
(„Fleg. Blät.“).

— Положительно она здѣсь еще очаровательнѣй. Какъ Рыся не понимаетъ, что тамъ она не имѣеть никакаго вида... А надпись надо стереть.

Съ невыразимой тоской смотрѣла „Греза“, какъ живая... Э. Г.

